

П. И. ШАЛИКОВ

Новость

1818

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.
OCR Бычков М.Н.

Наконец явилось на горизонте отечественной литературы давно и нетерпеливо ожидаемое светило, долженствующее озарить густой мрак нашего политического происхождения, длинную цепь событий в обширной стране великого народа, -- деяния и нравы предков его...

Мудрено ли догадаться, что я говорю об Истории господина *Карамзина!*.. Подобно быстрому потоку, вырвавшемуся из оплота, она -- можно сказать -- разлилась в одно мгновение по всем кабинетам -- ученым, светским и дамским... Она в руках у каждого... Но -- увы! -- не все очи *озарены* ею!.. Многому, в моральном мире, своенравная судьба определила оставаться во мраке, непроницаемом никакими лучами!

Первое внимание *знатоков* обращено было -- на бумагу. Тут пошло важное сравнение сей бумаги с тою, на которой печатаются газеты. -- "Точно такая же!" -- взывает один. -- "Нет", -- возражает другой: "немного побелее". Потом их всеобъемлющее внимание обращается на заглавие. -- "Для чего не просто: *Русская История*, а *История Российского Государства?*" -- спрашивают они в один голос друг у друга. -- И на этом *главном* пункте соглашаются прямо по-братски.

Далее выходит на блестящее поприще сих общепользных, глубокомысленных, тонких, остроумных и назидательных замечаний -- неувядаемый Бригадир и говорит: "Господа! можно ли сказать: *славные опасности?*" *Нельзя! нельзя! это совсем не по-русски!* вскричали сподвижники, столько же знакомые со *славою*, как и с языком русским. -- "Или" подхватил один из них: *"оставался в границах благоразумной умеренности!"*... говорится ли таким образом?" -- *Нет! Нет!* повторилось хором (невольно вспоминаю об одной басне). -- "Кто это поймет?" -- *Никто! никто!* -- "К чему эти примечания, -- в таком множестве, так мелко напечатанные? Надобно потерять глаза, читая их!" -- восклицал почтенный летами и слабый зрением отставной служитель неугомонного Марса. -- "Какое плоское сочинение -- *comme c'est fade!* {Как это пошло! (*Фр.*).}" подставши к *бранным* рыцарям нашим, картавит дебелый человек в золотом кафтане, ободренный великим примером старшего своего собрата по кафтану, -- *отчаянного* Атлета, с грустью Стентора¹⁰ и с яростию Мильтонова героя¹¹ против *лучезарного* врага своего...

Но опустим занавес над вулканическою головою сего *единоборца*; заткнем уши свои, терзаемые ужасною нескладицею, и скажем мимоходом, что в продолжение двух или трех недель -- со времени появления *здесь* Истории г-на *Карамзина* -- не удалось мне, -- думаю, и другим, -- слышать от премудрых Ареопагитов¹² нашего большего и посредственного света, например, о расположении ее -- о том, удовлетворительным ли образом изъясняются в ней темные и запутанные места и обстоятельства нашей истории; точно ли, например, в одном случае, под словом *ключ* разумеется *человек*, как утверждает историк, или означает несколько селений, принадлежащих одному главному, как это и до сих пор называется в Польше, и прочее сему подобное -- Нет! Не берутся учить *языку* и *слогу* того, чей язык и слог составляют одну из блестящих эпох нашего отечества!..

Но что подумают иностранцы о степени его просвещения, ежели узнают, как судят о писателе, давно ими уваженном, земляки его, имеющие все требование на *просвещение!*.. К счастью, не узнают: есть звуки, которые исчезают в воздухе без всякого действия, без всякого впечатления... Равно как есть верные признаки, по которым никак нельзя обмануться... Иностранцы знают об нас лучше, нежели *некоторые* земляки наши.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые: Сын Отечества. 1818. No 10. С. 157--159. Печатается по первой публикации.

Шаликов Петр Иванович (1767 или 1768--1852) -- князь, писатель, издатель, поэт-сентименталист.